

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

УДК 81'23

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2023-55-1-128-136

Обзорная статья

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОПРОС КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ

Гудков Дмитрий Борисович

МГУ им. М.В. Ломоносова

Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена лингвистическим проблемам, связанным с опросами общественного мнения. Эти опросы рассматриваются как высказывание в рамках политического дискурса. На конкретном эмпирическом материале демонстрируются те деформации, которые приводят к искажению результатов данных опросов. Причиной этих деформаций и искажений является отказ учитывать два важных обстоятельства: во-первых, то, что передает продуцент речи, никогда не совпадает с тем, что воспринимает реципиент, во-вторых, вербальные и когнитивные единицы не являются тождественными.

Ключевые слова: язык, сознание, вербальные единицы, когнитивные единицы, политический дискурс, интеракционная коммуникация, лингво-культурное сообщество

Введение

Автор этих строк считает себя совершенным дилетантом в социологии и на статус специалиста в данной области не претендует. При этом ему известно, что существуют весьма сложные и разнообразные методы социологических исследований [см. напр.: Девятко 1998; Тавокин 2009; Руденко 2012; Рахманова 2021]. Но в сознании обывателя именно опросы общественного мнения являются главным занятием социологов. На этого обывателя гипнотически действуют результаты этих опросов и те выводы, которые делаются на их основании. Даже если такие выводы противоречат картине мира, существующей в сознании этого гипотетического обывателя, он принимает данные науки, во всеилие которой свято верит. Магия чисел действует на него, ведь с числами не поспоришь.

Результаты опросов общественного мнения активно тиражируются СМИ и подаются ими как истина в последней инстанции. К этим результатам активно обращаются и в публичной полемике, как правило, в пространстве политического дискурса; на их основании пишутся статьи и книги, авторы которых, видимо, искренне считают, что подобные результаты являются неопровержимым аргументом.

Ниже будет показано, что данные эти не являются ни точными, ни неопровержимыми. Речь пойдет не о так называемых заказных опросах, результаты которых известны заранее. Будем говорить не о политически или как-то иначе ангажированных специалистах, но о вполне добросовестных профессионалах, скрупулезно следующих самым передовым методологиям. Но даже они категорически отказываются признаваться широкой публике в, мягко говоря, очень большой приблизительности тех чисел, которыми они оперируют.

Вначале коротко перечислим те замечания, которые обычно предъявляются к опросам общественного мнения. Они хорошо известны, и на них не станем останавливаться, лишь коротко назовем:

– результаты опросов, не в последнюю очередь, зависят от добросовестности интервьюеров;

– результаты опросов во многом зависят от искренности респондентов, некоторая часть которых по разным причинам может говорить не совсем то, что на самом деле думает;

– даже при абсолютной добросовестности интервьюера и искренности респондента первый не может тем или иным образом не воздействовать на второго, что влияет на чистоту эксперимента (такова, к сожалению, судьба практически любого эксперимента в гуманитарных науках).

Теперь процитируем фрагмент из хорошо известной статьи П. Бурдьё, социолога с мировым именем (это не значит, что другие представители этой науки во всем согласны с ним): «...Под сомнение будут поставлены три постулата, имплицитно задействованные в опросах. Так, всякий опрос мнений предполагает, что все люди могут иметь мнение или, иначе говоря, что производство мнения доступно всем. (...) Второй постулат предполагает, будто все мнения значимы. Я считаю возможным доказать, что это вовсе не так и что факт суммирования мнений, имеющих отнюдь не одну и ту же реальную силу, ведет к производству лишенных смысла артефактов. Третий постулат проявляется скрыто: тот простой факт, что всем задается один и тот же вопрос, предполагает гипотезу о существовании консенсуса в отношении проблематики, т.е. согласия, что вопросы заслуживают быть заданными. Эти три постулата предопределяют, на мой взгляд, целую серию деформаций, которые обнаруживаются, даже если строго выполнены все методологические требования в ходе сбора и анализа данных» [Бурдьё 2005: 272].

Данные рассуждения видятся разумными, но и о высказанных П. Бурдьё претензиях к опросам общественного мнения говорить не станем, оставляя это социологам, сами же коснемся собственно лингвистических вопросов, которые почему-то практически не поднимаются в социологических исследованиях указанного типа, хотя имеют к ним самое прямое отношение.

Язык и сознание: их корреляция в опросах общественного мнения

Начнем с цитаты. «На фоне международного конфликта отношение к США резко ухудшилось. Настроения вернулись на уровень мая 2015 года, когда отношение между странами также были напряженными. Доля положительных оценок составляет сегодня 17% опрошенных, негативных – 72%. При этом еще в феврале около трети (31%) россиян относились к Соединенным Штатам “хорошо”, а 55% – “плохо”.

Как вы в целом относитесь сейчас к Соединенным Штатам Америки? (Приводятся данные – ДГ.)

Лучше всего к США относятся молодые группы населения: 26% респондентов в возрасте 18–24 года и 25% в группе 25–39 лет. Хуже всего относятся возрастные группы: 15% респондентов 40–54 лет относятся положительно, 74% – отрицательно; 9% респондентов 55 лет и старше относятся положительно, 82% – отрицательно»¹.

¹ Пресс-выпуск Левада-Центра 15.04.2022. (<https://www.levada.ru/2022/04/15/mezhdunarodnye-otnosheniya-6/>).

В приведенных формулировках присутствует неточность, если не лукавство. Левада-Центр предоставляет данные НЕ о том, как россияне относятся к США, а о том, как они ответили на приведенный выше вопрос. Это все-таки разные вещи. Иногда очень разные. Пусть уважаемый читатель спросит себя: всегда ли он говорит то, что действительно считает? Причины скрывать, корректировать свое мнение или выражать открыто прямо ему противоположное могут быть самыми разными, не станем на них останавливаться. Очевидно одно: полагать что-либо и говорить, что полагаешь что-либо – далеко не одно и то же, что различные научные центры, проводящие подобные опросы, словно бы и не замечают.

Думаю, это связано с незыблемой верой социологов в абсолютную тождественность вербальных и когнитивных единиц. Они стремятся выявить мнение, отношение, оценку и т.п., т.е. то, что относится к когниции, но для их выявления используют вербальный стимул, на который должна последовать вербальная реакция. Не станем сколько-нибудь подробно останавливаться на проблеме взаимоотношения языка и сознания. На эту тему написано множество достойных научных трудов, авторами которых являются представители самых разных дисциплин: филологи, психологи, философы и др. Не станем даже кратко касаться существующих подходов, писать о спорах вербалистов и антивербалистов, гипотезе лингвистической относительности, языковой картине мира и многом другом [см., напр.: Язык и национальное сознание 2002; Красных 2016; Сознание. Язык. Мозг 2020]. Несмотря на различные точки зрения и горячие споры, сегодня всеми признается, что язык и сознание теснейшим образом взаимосвязаны, они обуславливают друг друга и взаимно влияют друг на друга, но при этом и отличаются друг от друга.

Даже природа этих феноменов существенно различается: вербальные единицы имеют линейную структуру, чего нельзя сказать о единицах когнитивных. Выражение наших мыслей, чувств с помощью слов (точнее, текстов) требует их кодировки, своеобразного перевода, при котором искажения неизбежны. Это справедливо даже для самых примитивных высказываний, но в этом случае минимальными искажениями можно пренебречь, в более же сложных случаях искажения приводят к коммуникативным неудачам. Ниже мы чуть более подробно остановимся на этом вопросе, здесь же позволим себе привести лишь две хрестоматийные цитаты: «...И лишь молчание понятно говорит»; «Мысль изреченная есть ложь». В.А. Жуковский, Ф.И. Тютчев и другие «мастера слова» подчеркивали невозможность во всем объеме и глубине выразить в словах мысли, чувства, настроения и другие составляющие внутреннего мира человека, даже при виртуозном владении этими самыми словами.

Нельзя сказать, что социологи совсем уж не знают об этой проблеме. Так, Л.Д. Гудков пишет: «Любое эмпирическое исследование антисемитизма (или подобного феномена) стоит перед задачей операционализировать измеряемые параметры явления, имеющего по своей природе оценочный характер. Тем более это важно при опросах общественного мнения, когда фиксируется вербальное, а не реальное поведение» [Гудков 2004: 214]. Последняя оговорка видится нам весьма значимой, но самим автором приведенной цитаты она никак не учитывается, что приводит к таким, например, высказываниям: «Сталин занимает 3-е место среди наиболее значительных и авторитетных фигур отечественной истории – в таком качестве его называли от 9 до 22% в зависимости от типа и формулировки вопроса» [Гудков 2004: 148]. Само

по себе замечательно, что формулировка вопроса может изменить результат опроса почти в два с половиной (!) раза. Чего тогда стоят все эти опросы, если все настолько, мягко говоря, приблизительно? Дело в том, что подобная приблизительность, вернее, неточность – обязательное следствие любых опросов общественного мнения, в чем оперирующие результатами подобных исследований категорически отказываются признаваться.

При всем этом использующие опрос как один из важнейших методов исследования, конечно, не столь наивны, чтобы не замечать очевидного. В наиболее, вероятно, известном учебнике по социологии сказано: «Социолог читает [вопрос] респонденту одним образом, сам респондент – другим. При этом тот и другой в разное время могут прочитать, а соответственно, и понять один и тот же текст по-разному в зависимости от своего настроения, эмоционального и физического самочувствия, форсмажорных обстоятельств и т.д. В конечном итоге с помощью когнитивного анализа можно установить, что именно человек думает, отвечая на вопросы интервьюера» [Добренков, Кравченко 2019: 345]. Далее те же авторы говорят о прямом и обратном коммуникативном переходе, первый описывает процесс восприятия респондентом вопроса, второй – восприятия интервьюером ответа [цит. раб.: 347]. При этом, во-первых, игнорируется основная причина указанных несовпадений (нетождественность языковых и когнитивных единиц), во-вторых, теоретическое понимание проблемы практически никак не сказывается на практике, что мы постараемся показать ниже.

Проводящим опрос приходится игнорировать еще несколько неизбежных деформаций (воспользуемся термином П. Бурдые). Коротко перечислим их, а потом остановимся на каждой подробнее:

- чтобы выяснить мнение, формулируется вопрос; вопрос этот никогда не будет совершенен, никогда не будет полностью отвечать поставленным задачам, может лишь (в лучшем случае) приближаться к идеалу;
- то, как понимает вопрос проводящий исследование, никогда не будет полностью совпадать с тем, как понимает этот вопрос респондент;
- респондент никогда не может полностью и адекватно вербально выразить свое мнение, если речь идет об открытых опросах, если же мы имеем дело с опросами закрытого типа, то ни одна из предлагаемых на выбор формулировок никогда не совпадает полностью с действительным мнением информанта.

Заметим, что мы, повторяю, исходим из искренности информанта, добросовестности интервьюера, полного соответствия опроса существующим методикам и т.д. Даже при всех этих условиях деформации, нарастающие как снежный ком, неизбежны. Не станем говорить и о неизбежных деформациях при интерпретации полученных результатов, хотя очевидно, что подобная интерпретация не может быть абсолютно точной. Подробнее остановимся на трех приведенных выше тезисах.

- Многие из предлагаемых вопросов трудно назвать удачными. Представляя себя в роли респондента, могу сказать, что в некоторых случаях я просто плохо понимаю, что именно у меня спрашивают. Вот лишь несколько примеров (количество их без какого-либо труда можно увеличить многократно); я опираюсь при этом на пресс-выпуски ВЦИОМа, Левада-центра, а также на те опросы, результаты которых приводит уже цитированный выше Л.Д. Гудков.

Скажем, такой вопрос, уже приведенный выше: *Как Вы в целом относитесь сейчас к Соединенным Штатам Америки?* Варианты: *очень хорошо, в основном хорошо, в основном плохо, очень плохо, затрудняюсь ответить*. Проблема в том, что я не отношусь к США в целом. Некоторые стороны жизни этой страны, черты, характерные для населяющих ее людей, мне симпатичны, другие вызывают уважение, третьи видятся категорически неприемлемыми. И что понимать в данном случае под США? Политику правительства этой страны? Американский образ жизни? Экономику? Быт? Национальный характер? Список вопросов можно продолжать долго. Все эти феномены, конечно, связаны друг с другом, но все же они не тождественны. Замечу, что с ответом я вовсе не затрудняюсь, со многими аспектами американской жизни знаком, как мне кажется, неплохо, работал в этой стране, бывал в разных американских городах. Я просто не очень понимаю, о чем именно меня спрашивают.

Следующий вопрос: *Как Вы считаете, допустимо ли наказывать детей физически?*².

Что понимается в данном случае под физическим наказанием? Это понятие весьма расплывчато. Заставлять ребенка стоять в углу – тоже вообще-то физическое наказание.

Л.Д. Гудков в работе, посвященной исследованию ксенофобии, приводит ответы, полученные на следующие вопросы [Гудков 2004: 250]: *Согласны ли Вы с тем, что евреи не случайно в ходе своей истории так часто подвергались преследованиям, что хотя бы отчасти они и сами в этом виноваты?; Согласны ли Вы с тем, что евреи преувеличивают свои страдания и беды? Согласны ли Вы с тем, что на других народах лежит вина перед евреями?* Не понимаю, что должны эти вопросы выяснить. На оба я дал бы положительный ответ, что, наверное, свидетельствует о дремучем антисемитизме. Проблема, правда, в том, что я считаю, что как отдельный индивид, так и лингвокультурное сообщество в целом, в собственной национальной мифологии всегда преувеличивают свои страдания. Страдания просто необходимы для консолидации этнической группы. Например, попытки строить свою этничность для Украины начинаются именно с поиска страданий при их активном педалировании; продукт Голливуда к/ф «Патриот» (реж. М. Гибсон) живописует зверства англичан, которые несказанно мучают мирных жителей американских колоний, убивают женщин и детей и т.д. Подобных примеров можно привести тысячи. Чрезвычайно редкий, почти исключительный случай, когда в конфликте бывает виновата только одна сторона, поэтому я считаю, что за любое этническое столкновение всегда ответственность несут отчасти обе стороны, хотя, конечно, агрессия одной из них может быть неадекватной и неизмеримо больше, чем второй. Последний вопрос прекрасен в целом, наверное, не нуждаясь в комментарии, который все же позволим себе дать. Вина народа?! Что это? Как-то эта формулировка звучит более чем сомнительно.

Еще один замечательный пример: *За последний месяц вам приходилось или не приходилось слышать от окружающих вас людей критические высказывания в адрес российских властей?*³. Трудно представить, что в течение месяца в адрес власти раздавались только славословия и благодарности. Даже при самом наитоталитарнейшем режиме люди будут жаловаться на низкую зарплату госслужащих, неоправданный штраф со стороны ГИБДД, плохо отремонтированную дорогу и т.п.

²Агентство «Михайлов и партнеры» 08.06.2022 <https://m-p-a.ru/«vospitanie-i-nakazanie-vzglyad-pokolenij».-tezisy-i-kommentarii.html>

³Пресс-выпуск ФОМ 15.04.22 <https://fom.ru/posts/11090>

• Информация на «выходе» совпадает с информацией на «входе» только при коммуникативном взаимодействии «компьютер – компьютер», при общении двух языковых личностей подобного не происходит никогда. Это было хорошо известно лингвистам еще в позапрошлом веке. Вот хрестоматийная цитата: «Говоря словами Гумбольдта, всякое понимание есть вместе с тем непонимание, всякое согласие в мыслях – вместе несогласие. Когда я говорю, а меня понимают, то я не перекалдываю целиком мысли из своей головы в другую, – подобно тому, как пламя свечи не дробится, когда я от него зажигаю другую свечу, ибо в каждой свече воспламеняются свои газы. (...) Чтобы думать, нужно создать (а как всякое создание есть собственное преобразование, то преобразовать) содержание своей мысли, и, таким образом, при понимании мысль говорящего не передается, но слушающий, понимая, создает свою мысль» [Потебня 1989: 226]. В этом суть принципа диалогической, интеракционной коммуникации.

Иными словами, задание интервьюера никогда не воспринимается адекватно респондентом. Особенно ярко это проявляется в тех случаях, когда в опросные листы включаются абстрактные имена. Еще один пример. Вопрос: *Какие из перечисленных выше качеств чаще всего можно встретить у окружающих вас людей?*⁴ Далее следует список тех качеств, из которых предлагается выбирать респонденту, например: *открытые, простые, энергичные, терпеливые, трудолюбивые, эгоисты* и др. Достаточно открыть толковый словарь, чтобы убедиться, что каждая из перечисленных лексем обладает значительным количеством лексико-семантических вариантов, или, говоря «школьным» языком, у каждого из этих слов несколько значений. В каком из этих значений употребляется, например, такое слово, как *простой*? В идиолекте той или иной языковой личности данные лексемы обладают собственной семантикой. Иными словами, такие понятия, как *трудолюбие* или *эгоизм*, по-разному понимаются разными людьми; тот, кого называет *трудолюбивым* респондент, может вовсе не обладать этим качеством в глазах проводящего опрос.

Еще один пример: *Вы верите или не верите в удачу?*⁵. Позволим себе не распространяться на эту тему, лишь обратим внимание на неопределенность границ абстрактного имени *удача* в русском языке и индивидуальность восприятия семантики данного имени каждым из носителей этого языка.

• Даже человек, задававший тем вопросом, который предлагает ему интервьюер, и имеющий свое мнение по соответствующей проблеме, далеко не всегда может четко и адекватно это мнение сформулировать. Пусть читатель попробует, например, коротко и ясно ответить на такой вопрос: *Какие качества чаще всего можно встретить у окружающих Вас людей?* Мне было бы сложно перечислить такие черты характера у окружающих меня людей. Это в том случае, если речь идет об открытом опросе, с закрытыми все еще более показательно. Респонденту приходится выбирать из тех вариантов, которые навязываются ему проводящими опрос, причем в определенных жестко заданных формулировках. Еще один пример. Вопрос: *Как Вы считаете, какое из следующих высказываний наиболее точно описывает нынешние отношения «отцов» и «детей»?* Варианты ответов: *Люди разных поколений никогда не смогут понять*

⁴ Пресс-выпуск Левада-центра от 17.07.2008 «Представление о себе самом и представление об окружающих людях» <https://www.levada.ru/tag/opros/>

⁵ ВЦИОМ 03. 2022 https://prof.wciom.ru/open_projects/udacha-i-kak-ee-pojmat/

друг друга, поскольку у них слишком разный опыт жизни; Люди разных поколений в какой-то мере могут понять друг друга, несмотря на разный жизненный опыт, поскольку живут в одной стране; Люди разных поколений довольно хорошо понимают друг друга, у них нет серьезных оснований для противоречий; Проблемы непонимания между «отцами» и «детьми» вообще не существует; Затрудняюсь ответить.

Я, к примеру, не могу согласиться ни с одним из приведенных выше высказываний, каждое из которых видится мне, мягко говоря, сильно упрощающим действительно серьезную проблему, которая волновала лучшие умы человечества многие сотни и даже тысячи лет. Артикулировать же в одном предложении тезис, наиболее точно описывающий отношения «отцов» и «детей», я не возьмусь.

Таким образом, если опросы общественного мнения и выясняют это мнение, то с такими большими искажениями, что результаты их вряд ли могут быть основой для сколько-нибудь категоричных выводов. Они в лучшем случае позволяют выдвигать очень осторожные гипотезы, которые нуждаются в серьезной проверке. Так, приведенные в исследовании Л.Д. Гудкова об антисемитизме результаты опросов ничего о собственно антисемитизме не говорят. Они интересны для лингвиста, т.к. позволяют выявить семантический фон лексемы *еврей*, те устойчивые ассоциативные связи, в которые она вступает, ее коннотации в русском лингвокультурном сообществе и т.п. Безусловно, семантика указанного этнонима коррелирует с отношением к тому множеству, которое задает это слово, но корреляция не есть тождество.

Лингвисту может быть интересно, что при ответе на тот или иной вопрос респонденты чаще всего выбирали такие лексемы, как, например, *эгоизм* или *справедливость*. Но это мало что говорит о семантике этих слов и их месте в тезаурусе русского (в нашем случае) языка. Конечно, известные лингвистике (и психолингвистике) методы исследования семантики соответствующих языковых единиц тоже не могут быть признаны обладающими абсолютной точностью, но они все же, на мой взгляд, значительно более валидны и показательны, чем так называемые опросы общественного мнения.

Выводы

Итак, результаты опросов общественного мнения, воспринимаемые носителями обыденного сознания как неопровержимые данные фундаментальной науки, никоим образом таковыми не являются и на подобный статус претендовать не могут, позволяя в лучшем случае выдвигать лишь осторожные гипотезы, нуждающиеся в верификации, но не делать окончательные выводы.

Сказанное обусловлено различными факторами, одним из главных при этом является отказ учитывать то обстоятельство, что вербальные и когнитивные единицы, будучи тесно взаимосвязанными, не являются тождественными, попытки выявить принадлежащее сознанию индивида, с опорой исключительно на речевые действия последнего, неизбежно ведут к деформации и искажению результатов подобного анализа.

Мы присоединяемся к мнению тех, кто считает, что «семиотическая методология позволяет представить политическую власть как коммуникативный процесс, при котором государство и его институты осуществляют постоянное регулятивное воздействие с помощью неких символов и знаков, призванных вызвать соответствующую им ответную реакцию адресата – населения данной страны в целом, его отдельных групп и граждан. Это «субъект-объектное» взаимодействие, осуществляемое посредством

определенных знаковых систем, совокупностей символов и смыслов, представляющих собою язык данного общения» [Рахимов, Хабибулин: 52].

При этом опросы общественного мнения сами являются средством воздействия на сознание представителей определенного лингвокультурного сообщества. Результаты этих опросов выступают как реплики в национальном политическом дискурсе, представляющем собой, в силу своей имманентной агональности, борьбу различных субдискурсов за доминирование и право на производство значений. Сам же социологический опрос оказывается не столько академическим, сколько политическим высказыванием.

© Гудков Д.Б., 2023

Литература

Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М.-СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.

Гудков Л.Д. Негативная идентичность. М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004. 816 с.

Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. 208 с.

Добреньков В.И., Кравченко А.И. Методы социологического исследования. Учебник. М.: ИНФРА-М., 2019. 768 с.

Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры. М.: Гнозис, 2016. 496 с.

Потебня А.А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. 624 с.

Рахимов Р.А., Хабибулин А.Г. Политическая власть и право: проблемы семиотического анализа // Правоведение. № 2/2000.

Рахманова Ю. В. Методы социологического исследования. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. 124 с.

Руденко, Л. Д. Современные методы социологических исследований. Ярославль: ЯрГУ, 2012. 120 с.

Сознание. Язык. Мозг. Коллективная монография / Под ред. Е.Ф. Тарасова, И.В. Журавлева. М.: Институт языкознания РАН, 2020. 180 с.

Тавокин Е.П. Основы методики социологического исследования. М.: ИНФРА-М, 2009. 240 с.

Язык и национальное сознание / под ред. З.Д. Поповой, И.А. Стернина. Воронеж: Истоки, 2002. 179 с.

Сведения об авторах:

Гудков Дмитрий Борисович – доктор филологических наук, профессор филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Контактная информация:

119991 Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51

ORCID: 0000-0002-2505-7375

e-mail: dmi-gudkov@rambler.ru

Для цитирования:

Гудков Д.Б. Социологический опрос как политическое высказывание // Вопросы психолингвистики № 1(55) 2023, С. 128–136, doi: 10.30982/2077-5911-2023-55-1-128-136

UDC 81'23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2023-55-1-128-136

Review article

A SOCIOLOGICAL SURVEY AS A POLITICAL STATEMENT

Dmitry B. Gudkov

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

Abstract

The article is devoted to linguistic problems related to public opinion polls. These issues are considered as a statement within the framework of political discourse. Concrete empirical material demonstrates the deformations that lead to distortion of the results of these surveys. The reason for these deformations and distortions is the refusal to take into account two important circumstances: firstly, what the speech producer transmits never coincides with what the recipient perceives, and secondly, verbal and cognitive units are not identical.

Keywords: language, consciousness, verbal units, cognitive units, political discourse, interactive communication, linguistic and cultural community.

© Gudkov D.B., 2022

Dmitry B. Gudkov – Doctor of Philology, Professor of the Faculty of Philology of the Lomonosov Moscow State University

Contact information:

119991 Russia, Moscow, GSP-1, Leninskie gory, 1, bld. 51

ORCID: 0000-0002-2505-7375

e-mail: dmi-gudkov@rambler.ru

For citation:

Gudkov D.B. A sociological survey as a political statement // Journal of Psycholinguistics. 1(55), 2023. P. 128–136. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2023-55-1-128-136 (in Russian)